

УДК / UDC 94[47].083

**Курсовые сочинения студентов
миссионерского отделения Казанской духовной
академии, посвященные истории калмыков:
тематика и источниковедческий потенциал**

Нелли Максимовна Азванова¹

**Term Papers by Students of the Missionary Department
of the Kazan Theological Academy on the History of the
Kalmyks: Subject Matter and Source Potential**

Nelly M. Azvanova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian
Российская Федерация) Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

0009-0000-7306-7351. E-mail: nel_max[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* В рамках современного источниковедения отмечается тенденция к переосмыслению значимости учебно-академических трудов, поскольку их содержание позволяет исследовать не только конкретно-исторические сюжеты, но и особенности мировоззренческих конструкций и идейных течений эпохи их создания. В этом ряду курсовые сочинения студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии остаются недостаточно востребованным комплексом документов. Данная статья призвана заполнить этот пробел на примере работ, посвященных истории калмыков. *Задачи* исследования: провести тематическую классификацию и содержательный анализ группы сочинений, осуществить источниковедческий анализ, определить информационный потенциал сочинений для современных исторических и этнографических исследований. *Материалы и методы.* Объектом исследования выступает комплекс курсовых сочинений студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии, написанных во второй половине XIX – начале XX вв. и посвященных истории калмыцкого наро-

да (фонд 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан). В работе применяются методы историко-типологического анализа для систематизации тематики и источниковедческой критики для выявления информационной ценности этих трудов. *Результаты.* Проведенный анализ позволил выявить устойчивую тематическую структуру сочинений, сформировавшуюся на протяжении более чем шести десятилетий: 1) миссионерская деятельность (изучение истории христианизации калмыков, оценки ее успехов и методов); 2) религиозно-бытовая и культурная жизнь калмыков (описание традиционных верований (буддизма), обрядов, семейного уклада и хозяйственной деятельности); 3) переводческая и образовательная деятельность (анализ роли Казанской духовной академии и отдельных миссионеров в переводе духовной литературы и организации школ); 4) вопросы государственной политики (анализ законодательных актов и административных мер российского правительства в отношении калмыков); 5) историко-биографические исследования (сочинения, посвященные русским миссионерам). Источниковедческий потенциал сочинений определяется несколькими факторами: многие работы основаны на уникальных архивных данных, сегодня недоступных или утраченных; можно проследить, как менялись акценты в изучении калмыцкого народа на фоне изменений государственной политики и развития востоковедения; сочинения являются ценным источником для изучения эволюции научных и миссионерских подходов в российской академической среде, отражая переход от чисто конфессиональной трактовки к более объективному этнографическому и историческому описанию.

Ключевые слова: Казанская духовная академия, миссионерское отделение, курсовые сочинения, калмыки, источниковедение, миссионерская деятельность, государственная политика

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Азванова Н. М. Курсовые сочинения студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии, посвященные истории калмыков: тематика и источниковедческий потенциал // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 106–120. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-106-120

Abstract. Introduction. Within the framework of modern source studies, there is a tendency to rethink the importance of educational and academic works, since their content allows us to explore not only specific historical subjects, but also the features of ideological structures and ideological trends of the era of their creation. In this regard, the term papers of students of the missionary department of the Kazan Theological Academy remain an insufficiently demanded set of documents. This article aims to fill this gap by using the example of works on the history of the Kalmyks. *Goals.* To carry out a thematic classification and a meaningful analysis of a group of works, to carry out a source analysis, to determine the informational potential of works for modern historical and ethnographic research. *Materials and methods.* The object of the research is a set of term papers by students of the missionary department of the Kazan Theological Academy, written in the second half of the 19th – early 20th centuries and dedicated to the history of the Kalmyk people (foundation 10 “Kazan Theological Academy” of the State Archive of the Republic of Tatarstan). The work uses methods of historical and typological analysis to systematize the subject matter and source criticism to identify the information value of these works. *Results.* The analysis made it possible to identify a stable thematic structure of the works, which has been formed over more than

six decades.: 1) missionary activity (study of the history of Kalmyk Christianization, assessment of its successes and methods); 2) religious, every day and cultural life of Kalmyks (description of traditional beliefs (Buddhism, Lamaism), rituals, family life and economic activities); 3) translation and educational activities (analysis of the role of the Kazan Theological Academy and individual missionaries in the translation of spiritual literature and the organization of schools); 4) issues of state policy (analysis of legislative acts and administrative measures of the Russian government in relation to the Kalmyks); 5) historical and biographical research (writings on Russian missionaries). The source potential of the writings is determined by several factors: many works are based on unique archival data that is currently unavailable or lost; it is possible to trace how the accents in the study of the Kalmyk people have changed against the background of the changes in the state policy and the development of Oriental studies; the writings are a valuable source for studying the evolution of scientific and missionary approaches in the Russian academic environment, reflecting the transition from a purely confessional approaches to a more objective ethnographic and historical description.

Keywords: Kazan Theological Academy, missionary department, term papers, Kalmyks, source studies, missionary activity, public policy

For citation: Azvanova N. M. Term Papers by Students of the Missionary Department of the Kazan Theological Academy on the History of the Kalmyks: Subject Matter and Source Potential. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 106–120. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-106-120

1. Введение

Изучение истории и культуры народов Российской империи невозможно без привлечения широкого круга источников, среди которых особый интерес представляют материалы, созданные в образовательных учреждениях, особенно духовных. Казанская духовная академия (КДА), являвшаяся на протяжении XIX – начала XX вв. одним из ведущих центров востоковедения и миссионерства, сформировала обширный комплекс документов, отражающий процесс академического освоения «инородческого» вопроса. В этом ряду сочинения студентов миссионерского отделения, посвященные истории калмыцкого народа, до сих пор не были предметом специального источниковедческого исследования, несмотря на их очевидную научную значимость.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современной историографии наблюдается «архивный поворот» и растущий интерес к работам, созданным на периферии академической науки. Студенческие сочинения, занимая промежуточное положение между официальными отчетами и научными трудами, часто содержат живые наблюдения, а иногда и уникальные полевые материалы. Во-вторых, возрастает внимание к имперским механизмам управления многоэтничными регионами, где миссионерство выступало инструментом как религиозной, так и культурной интеграции. В-третьих, введение в научный оборот новых источниковых комплексов дополнит сведения об истории калмыков в указанный период.

Степень научной разработанности проблемы изучения курсовых работ студентов КДА, посвященных калмыцкому народу, характеризуется фрагментарностью. Общая история Казанской духовной академии освещена в фундаментальных трудах И. П. Гвоздева [[Гвоздев 1868](#)], П. В. Знаменского [[Знамен-](#)

ский 1892], С. А. Терновского [Терновский 1892], И. С. Бердникова [Бердников 1892], К. В. Харламповича [Харлампович 1907], диссертационном исследовании А. В. Журавского [Журавский 1999]. Истории становления и развития востоковедческого образования в КДА в синодальный период посвящена работа Е. В. Колесовой [Колесова 2000].

Материалы по калмыцкой тематике, хранящиеся в фонде 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан, проанализированы в работах А. Г. Кукеева [Кукеев 2019], А. Т. Баяновой, Р. Р. Сибгатуллиной [Баянова, Сибгатуллина 2020; Баянова 2024а; Баянова 2024б]. А. Г. Кукеев представляет общий обзор курсовых работ по буддизму. В целом работы А. Т. Баяновой и Р. Р. Сибгатуллиной подчеркивают многогранность фонда 10 Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ) как источника для междисциплинарных исследований. При этом авторы справедливо отмечают, что многие документы до сих пор остаются мало изученными [Баянова, Сибгатуллина 2020: 102], что открывает широкие перспективы для дальнейших изысканий в области филологии, истории и этнографии.

Несмотря на то, что фонд содержит уникальные материалы по калмыцкому языку, переводам буддийских текстов и миссионерской деятельности среди калмыков, он не выступал объектом специализированного источниковедческого анализа. Ученые акцентировали внимание либо на общих аспектах деятельности КДА, либо на других регионах миссионерства, например Восточная Сибирь в работе С. В. Мельниковой [Мельникова 2020], либо на другие направления научно-исследовательской деятельности студентов, например кафедры церковного права в работе А. А. Зотина [Зотин 2024].

Следовательно, проблема введения этого комплекса документов в научный оборот, его всесторонней источниковедческой критики является актуальной и научно значимой задачей, требующей исследования.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составил комплекс опубликованных и неопубликованных курсовых сочинений студентов миссионерского отделения КДА, выявленный в фонде 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан. Критерием отбора служила тематическая принадлежность — работы, непосредственно посвященные калмыцкому народу, его истории, культуре и миссионерской деятельности среди него. Хронологические рамки комплекса охватывают период с 1842 г. по 1917 г., что позволяет проследить динамику на протяжении шести десятилетий.

Для решения поставленных задач был использован комплекс взаимодополняющих методов: в отношении каждого сочинения был применен историко-типологический метод и метод источниковедческой критики.

3. Курсовые сочинения и их место в академической традиции

За весь период своего существования с 1842 г. по 1921 г. КДА действовала по трем академическим Уставам, и ни один из них не давал четкого определения и требований, предъявляемым к написанию сочинений, разве что только

тематики — две трети сочинений должны быть богословскими (Устав 1884, § 123, 124) [Бердников 1892: 61]. Тем не менее в Академии сочинения являлись одним из главных, если не главнейшим средством определения уровня знаний и критерием подготовки студентов. Так уже на этапе поступления воспитанники семинарии принимались в академию, причем перворазрядные (т. е. самые лучшие) должны были, кроме сдачи устного экзамена, написать два сочинения — одно на богословскую, другое на философскую тему [Терновский 1892: 190]. Как отмечает С. А. Терновский, на сочинения обращалось «особенное внимание, как на одно из действительнейших средств в оценке зрелости суждений и знания отечественного языка» [Терновский 1892: 190]. Абитуриент, получивший неудовлетворительную оценку по сочинению, в академию не принимался. За редким исключением иногда таких претендентов брали, но с условием содержания за свой счет [Терновский 1892: 191].

Срок обучения в академии составлял четыре года. На протяжении всех этих четырех лет главное внимание уделялось упражнениям студентов в сочинениях, дававшимся в качестве домашних заданий [Бердников 1892: 60]. «Почти все свободное от слушания лекций время студенты дореформенной Академии употребляли на составление сочинений. Они подавали не менее одного сочинения в месяц. Несмотря на краткий месячный срок, сочинения писались студентами иногда очень большие», — констатирует в своем очерке И. С. Бердников [Бердников 1892: 61]. Получается, в среднем в год воспитанники Академии должны были сдать около 10 сочинений.

Со времени Устава 1869 г. студенты первых трех курсов должны были в год написать три сочинения [Бердников 1892: 61]. Студенты IV курса, по Уставу 1814 г., писали выпускные сочинения [Бердников 1892: 62]. Каждому выпускнику по окончании обучения присваивалась ученая степень: начиная от действительного студента, кандидата и заканчивая магистром. Степень магистра присваивалась только за самые лучшие сочинения, за остальные — степень кандидата. Выпускнику, написавшему неудовлетворительное сочинение, присваивалась степень действительного студента. Некоторым студентам разрешалось улучшить степень, но только при условии подачи нового сочинения. Так, при успешной сдаче нового сочинения действительный студент имел право на степень кандидата, кандидат — на степень магистра. Все степени были богословскими. В составе ученых степеней в духовных академиях была еще и степень доктора, но она не присваивалась выпускникам. Доктором богословия мог стать только магистр. При получении докторской степени в духовных академиях главным этапом также являлась оценка диссертации — сочинения на латинском или русском языке [Сухова 2013: 46].

Приведем следующую статистику (по выпускным данным) о количестве магистерских и кандидатских степеней, присужденных Казанской духовной академией студентам первых тринадцати курсов, выпусков с 1846 г. по 1870 г. Выпусков было всего 13, потому что прием студентов проводился не каждый год, а через год, т. е. были выпуски 1846, 1848, 1850 гг. и т. д. Итого было выпущено 342 студента, из них степень магистра получили 104, т. е. меньше трети студентов; кандидата с правом получения магистерской степени — 56;

кандидата — 155; действительного студента с правом получения кандидатской степени — 14; действительного студента — 13 [Сухова 2013: 167]. Приведенные цифры раскрывают строгую иерархическую систему оценки курсовых сочинений. Академия проводила жесткий отбор: лишь менее трети работ получили высшую оценку, около двух третей были признаны удовлетворительными (кандидатскими), а примерно 8 % сочинений (27 работ) не соответствовали кандидатскому уровню.

В зависимости от того, когда и для чего писалось сочинение, оно называлось семестровым, курсовым (выпускным), кандидатским, магистерским. Выпускные сочинения были достаточно объемными и занимали 200–300, а то и больше страниц рукописного текста. Курсовые сочинения студентов считались достоянием Академии и не выдавались на руки студентам, а сдавались на хранение в библиотеку [Бердников 1892: 63].

В настоящей работе рассмотрены курсовые, т. е. выпускные сочинения, посвященные исключительно калмыцкой тематике.

4. Общая характеристика комплекса источников и его тематическая классификация

Темы для курсовых сочинений формулировались преподавателями, затем представлялись на просмотр ректору и после утверждения Правлением предлагались студентам для выбора, причем заявить о выбранной теме студент должен был в начале учебного года [Бердников 1892: 62]. Некоторые из ректоров назначали темы студентам лично, как например, ректор Иоанн (П. И. Оболенский) [Бердников 1892: 62]. Преосвященный Григорий (Н. В. Миткевич) поощрял темы по миссионерским предметам [Бердников 1892: 62]. При ректоре Агафангеле (А. Ф. Соловьев) преобладающими стали темы по расколу [Бердников 1892: 62].

Тематика курсовых сочинений студентов Казанской духовной академии конца XIX в. и начала XX в. отражает специфику академии как крупного центра православного просвещения и миссионерской деятельности на востоке России.

Основные направления, по которым распределяются темы курсовых сочинений по истории калмыков: миссионерская деятельность среди калмыков (исследования, связанные с анализом причин, затрудняющих обращение калмыков в христианство, а также с изучением методов миссионерской работы); переводческая и образовательная деятельность (исследования по вопросам перевода христианских текстов на калмыцкий язык и образовательной работы среди калмыцкого населения); изучение религиозно-бытовой и культурной жизни калмыков (исследования по вопросам повседневной религиозной и бытовой жизни калмыков, традиций, обрядов, влияние буддизма, язычества и шаманизма на мировоззрение калмыков, их религиозную идентичность и отношение к христианству); историко-биографические исследования; вопросы государственной политики и церковного управления.

Эти работы можно распределить на три группы:

1. Миссионерская деятельность, обращение в христианство и религиозная политика. Она объединяет темы, связанные с миссионерской работой, обращением в христианство и государственной религиозной политикой. Сюда входят следующие сочинения:

– *Карашев Василий Феодорович*, студент 26 курса. О взаимных отношениях между монгольскими ханами и русскими митрополитами и о значении сего для России [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. 45 л.];

– *Крылов Федор Егорович*, студент 3 курса. Рассуждение о причинах, затрудняющих обращение калмыков в христианство [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. 225 л.];

– *Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич)*, студент 51 курса. Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык, как средства миссионерского воздействия [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. 339 л.];

– *Назарий (Андреев Николай)*, студент 52 курса. Православная миссия среди астраханских калмыков за последнее сорокалетие [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. 135 л.];

– *Дмитревский Александр Аркадиевич*, студент 54 курса. Мероприятия русского правительства в отношении к крещеным и некрещеным калмыкам [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. 311 л.];

– *Гаврилов Михаил Семенович*, студент 58 курса. Эпоха императрицы Екатерины II в отношении к русским инородцам [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. 124 л.]; и др.

2. История и современное состояние религиозной жизни калмыков. Группа охватывает исторические и современные (на время написания) аспекты религиозной и бытовой жизни калмыков:

– *Степанов Николай Федорович*, студент 39 курса. Религиозно-бытовая жизнь калмыков (Религиозно-этнографический очерк) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1210. 114 л.];

– *Рубилин Владимир Владимирович*, студент 40 курса. История распространения христианства среди калмыцкого народа и современное религиозно-нравственное состояние крещеных калмыков Европейской России [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. 245 л.];

– *Мефодий (Львовский)*, студент 45 курса. Современное религиозно-нравственное состояние калмыков [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. 314 л.]; и др.

3. Деятельность отдельных лиц и учреждений. Группа посвящена вкладу конкретных личностей и учреждений в религиозное просвещение и миссионерскую деятельность.

– *Наконечнев Андрей Васильевич*, студент 46 курса. Протоирей Пармен Смирнов и его деятельность среди калмыков Астраханской губернии (Миссионер, автор нескольких трудов о калмыках и переводчик церковно-учительных книг на калмыцкий язык) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1085. 185 л.];

– *Перфилов Павел Михайлович*, студент 56 курса. Астраханская духовная семинария и ее участие в христианском просвещении инородцев местного края [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.]; и др.

5. Восприятие и анализ причин неудач в христианизации глазами самих миссионеров

С точки зрения тематики, сочинения демонстрируют широкий проблемный охват, который можно структурировать по нескольким ключевым направлениям. Во-первых, это исследования, непосредственно анализирующие государственную и церковную миссионерскую политику. К ним относятся работы, подобные труду А. А. Дмитриевского [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. 311 л.], где скрупулезно реконструируется законодательная база и административные меры Российской империи по отношению к крещеным и некрещеным калмыкам. Данные сочинения убедительно доказывают, что на протяжении всего исследуемого периода политика оставалась противоречивой, сочетая в себе элементы веротерпимости с жесткой административной ассимиляцией. Во-вторых, значительный блок сочинений посвящен критическому анализу конкретных миссионерских практик. Здесь эталонной является работа Амфилохия (А. Я. Скворцова) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. 339 л.], которая детально исследует такой инструмент, как переводческая деятельность. Его выводы свидетельствуют о системном кризисе методического подхода: переводы священных текстов были зачастую неадаптированными и распространялись бюрократическим путем [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 61–62]. В-третьих, представлены работы этнографического характера, нацеленные на понимание объема миссии. Сочинение Н. Ф. Степанова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1210. 114 л.] и в особенности труд миссионера Мефодия (Н. В. Львовского) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. 314 л.], несмотря на свой апологетический и критический по отношению к буддизму характер, содержат ценнейшие описания религиозно-бытового уклада калмыков, фиксируя глубинную укорененность ламаизма во всех сферах жизни.

Источниковедческий потенциал данного комплекса текстов представляется чрезвычайно высоким. Прежде всего, необходимо констатировать, что студенты активно цитировали и использовали документы из Полного собрания законов Российской империи (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 216]); архива Святейшего Правительствующего Синода (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. Л. 180б.]); Собрания государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. Л. 250б.]); Никоновской летописи (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. Л. 250б.]); «Степенной книги» («Книга степенная царского родословия») (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. Л. 26]); Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 14]); Актов исторических, собранных и изданных Археографическою комиссией (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 400б.]); архива Астраханской духовной консистории (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 219]); архива Астраханской духовной семинарии (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 13, 86]); отчеты Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского Общества (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 1800б.]); отчеты о деятельности Ставропольского церковного Андреевско-Владимирского братства (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2.

Д. 1389. Л. 301об.]); сборников Русского исторического общества (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. Л. 13, 17]). Это делает их работы не только исследовательскими, но и публикациями источников, многие из которых ныне утрачены. Во-вторых, сочинения содержат статистические данные, отчеты миссионеров, протоколы заседаний комитетов, что позволяет количественно и качественно оценивать масштабы и эффективность миссионерской деятельности. В-третьих, эти тексты сами по себе являются ценным историческим источником, показывающим идеологию, ментальные установки и методический инструментарий православной миссии на рубеже веков. Они запечатлели внутреннее осмысления самих миссионеров о причинах их неудач.

В целом все курсовые сочинения студентов-миссионеров последовательно и на обширном материале доказывают тезис о низкой эффективности политики христианизации калмыков. В качестве системных причин этого провала указываются: устойчивость и самодостаточность буддийской религиозно-культурной традиции¹, пронизывающей все стороны жизни калмыцкого общества; глубинное противоречие между кочевой цивилизацией калмыков и насаждаемыми оседлыми формами быта; сопротивление традиционной элиты (нойонов, зайсангов, духовенства), видевшей в христианстве угрозу своему статусу и доходам²; методическая несостоятельность миссионерских подходов, делавших ставку на административное принуждение, материальные стимулы и формальное просвещение в ущерб диалогу и глубокой катехизации.

Анализ представленных курсовых сочинений позволяет выявить комплекс системных причин, обусловивших низкую эффективность политики христианизации калмыцкого народа в Российской империи. В качестве основного методологического подхода следует применить многофакторный анализ, рассматривающий религиозные, социокультурные, политические и административные аспекты данной проблемы.

Прежде всего, необходимо констатировать, что ключевым препятствием для миссионерской деятельности являлась глубокая религиозно-культурная устойчивость буддизма (ламаизма) в калмыцком обществе. Как справедливо отмечал Ф. Е. Крылов [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 192], буддийское мировоззрение пронизывало все сферы жизни калмыков, формируя устойчивую картину мира, в которой христианство не воспринималось как единственно истинное учение, а скорее, как одна из равноправных религий. Данный тезис подтверждается источниками, где зафиксирована позиция калмыков, требовавших уважения к своей вере на основе принципа взаимности. Следовательно, миссионеры сталкивались не с «дикостью» или «невежеством», а с развитой религиозной системой, обладавшей собственной логикой и этикой.

---

¹ Ср.: «Нельзя сбрасывать со счетов и такой мощный фактор, как буддизм, который охватывал все социальные слои калмыцкого общества и пронизывал все сферы их деятельности» [Орлова 2006: 168].

² К. В. Орлова, анализируя многовековые усилия православной миссии, приходит к выводу, что «калмыцкая элита воспринимала крещение исключительно как инструмент борьбы за те или иные цели, чаще всего — как средство борьбы за власть. Естественно, основная ее часть негативно относилась к крещению своих подданных, ибо тем самым теряла над ними власть» [Орлова 2006: 168].

Важнейшим фактором, безусловно, выступала социокультурная специфика калмыцкого общества, основанная на кочевом образе жизни. Привязанность к степному быту, кибитке и улусу была настолько сильна, что переход к оседлости, предлагавшийся в качестве условия интеграции, воспринимался как утрата этнической идентичности [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 202–208]. Предложения переселиться в дома расценивались калмыками как заключение в темницу, что указывает на фундаментальный конфликт между кочевой и оседлой цивилизационными парадигмами [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 208об.]. Таким образом, христианизация ассоциировалась не только со сменой веры, но и с коренным разрушением традиционного уклада, что вызывало закономерное сопротивление.

С политической точки зрения, значительное противодействие оказывала калмыцкая элита — нойоны (князья) и зайсанги, а также буддийское духовенство (гелюнг). Распространение христианства напрямую угрожало их экономическим интересам (снижение доходов с кибиток) и идеологическому влиянию [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 211об.–212об.]. Авторитет гелюнгов, подкрепленный знаниями медицины и астрологии, был чрезвычайно высок, а их слово имело для простолюдинов силу закона [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 213об.–214]. Следовательно, миссионерская деятельность подрывала основы социальной иерархии калмыцкого общества, что делало элиту естественным противником христианизации.

Критическому осмыслению подвергаются в работах студентов и методы миссионерской работы. В частности сочинение Амфилохия (А. Я. Скворцова) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. 339 л.] систематически анализирует переводческую деятельность. Автор приходит к обоснованному выводу, что, несмотря на более чем вековую историю, переводы священных текстов на калмыцкий язык оказались малоэффективными [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 221]. Причины этого он видит, во-первых, в низком качестве самих переводов, которые были либо перифразами (И. Я. Шмидт [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 220]), либо излишне книжными и архаичными (А. М. Позднеев [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 233]), либо чрезмерно вольными в трактовке оригинала (П. А. Смирнов [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 231]). Во-вторых, и это принципиально важное наблюдение, распространение переводов через государственных чиновников, без живой проповеди и личного контакта с паствой, было изначально обречено на провал [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 61–62]. Амфилохий убедительно доказывает, что перевод — это не самоцель, а лишь инструмент, эффективный только в рамках грамотно выстроенной миссионерской стратегии [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 83].

Сходные проблемы фиксируются в работе Назария (Н. Андреева) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. 135 л.], посвященной миссионерским школам. Автор свидетельствует, что обучение калмыцких детей на русском языке, без учета их языковой и культурной специфики, приводило к формальному усвоению знаний. Отсутствие учителей-иностранцев и смешанный состав классов, где калмыки оказывались в заведомо проигрышном положении, сводили на нет просветительские усилия [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. Л. 122об.]. Этот вывод взаимосвязан с концепцией Н. И. Ильминского, о котором упоминает Наза-

рий, подчеркивавшего необходимость первоначального образования на родном языке [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. Л. 122об.].

Административные меры российского правительства, подробно описанные Александром Дмитриевским [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. 311 л.], такие как разделение калмыков на крещеных и некрещеных, налоговые льготы для новообращенных и, наконец, радикальная административная реформа 1892 г., упразднившая власть нойонов, также не принесли ожидаемого результата [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 238, 241об.]. Как следует из анализа, эти меры носили преимущественно внешний, принудительный характер и не затрагивали глубинных пластов религиозного сознания. Более того, они могли провоцировать скрытое сопротивление, усугубляя ощущение утраты культурной автономии.

Примечательно, что даже в работе Михаила Гаврилова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. 124 л.], посвященной либеральной эпохе Екатерины II и провозглашенной ею веротерпимости, конечной целью государственной политики все равно признается ассимиляция [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. Л. 20об.]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на смену риторики, базовые имперские основоположения, направленные на унификацию и интеграцию через православие, оставались неизменным.

Исследовательский замысел студента П. М. Перфилова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.] был направлен на комплексное изучение роли Астраханской духовной семинарии как инструмента имперской политики христианизации. Первый блок его работы посвящен институциональной истории семинарии, а второй — ее конкретной миссионерской функции, что в совокупности позволяет выявить системные причины успехов и неудач в деле просвещения калмыков.

Хронологическое изложение истории семинарии при последовательной смене архиереев от Антония до Гаия позволяет проследить, являлась ли миссионерская деятельность изначальной и стабильной функцией этого духовного учебного заведения или же ее становление было хаотичным и зависимым от личной инициативы конкретных иерархов. Автор особо выделяет ректорство архимандрита Сильвестра (П. И. Лебединского) и называет его выдающейся личностью [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 38]. Сама структура работы указывает на то, что автор рассматривал семинарию не как автономный институт, а как инструмент в руках епархиального начальства, чья политика могла кардинально меняться. Это важное наблюдение, поскольку оно ставит под сомнение устойчивость и преемственность миссионерской стратегии на ее раннем этапе.

Вторая, самостоятельная часть работы, посвящена непосредственному участию семинарии в христианском просвещении инородцев [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.]. Здесь основной фокус сосредоточен на истории класса калмыцкого языка, открывшегося в Астраханской духовной семинарии в 1838 г. (начало занятий). История этого класса представляет собой наглядную иллюстрацию системных проблем. Автор подробно описывает инициативу архиепископа Виталия, подбор первых учителей, разработку программ и льгот для калмыцких детей. Однако последующие события — закрытие класса, вторичное открытие, хроническое отсутствие квалифицированных преподавате-

лей и желающих учиться калмыцких мальчиков — свидетельствуют о глубоком кризисе. К. В. Орлова в своем исследовании отмечает: «С 1840 по 1849 г. семинарию закончили всего 39 учеников. После 1860 г. поступление калмыков в семинарию не было зафиксировано. В 1867 г. преподавание калмыцкого языка прекратилось из-за отсутствия учеников. В 1879–1880 гг. калмыцкий язык изучали трое, а в 1881–1883 гг. — никто. В 1884 г. приняли трех крещеных мальчиков, но и они не окончили училищный курс» [Орлова 2006: 148–149]. Характеристика («плачевная постановка дела») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 401] и финальное закрытие класса являются ключевыми тезисами, которые автор подкрепляет анализом конкретных причин. Среди них выделяются: невозможность подготовки или привлечения педагогических кадров, владеющих не только калмыцким языком, но и методикой преподавания, а также слабая мотивация самих семинаристов.

Крайне показательным является упоминание о Переводческом комитете при семинарии [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 153об.] и предписании КДА о том, чтобы студенты из астраханских семинаристов совершенствовались в знании калмыцкого языка [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 153об.]. Это указывает на то, что П. М. Перфилов рассматривал проблему в общероссийском контексте, выявляя противоречие между формальными указаниями о необходимости усовершенствования в языке и реальными возможностями семинарии их выполнить.

Сочинение П. М. Перфилова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.] предстает как исследование, доказывающее, что участие Астраханской духовной семинарии в христианском просвещении калмыков было неэффективным и фрагментарным. Несмотря на отдельные инициативы, оно так и не стало системной, приоритетной задачей, обеспеченной кадрами, ресурсами и последовательной методикой. Институциональная слабость семинарии, ее зависимость от меняющейся воли архиереев, бюрократическая рутина и отсутствие подготовленных миссионерских кадров привели к тому, что даже такие начинания, как класс калмыцкого языка, оказались нежизнеспособными. Работа П. М. Перфилова вносит вклад в понимание того, что провал миссионерской политики на южных рубежах России был обусловлен не только сопротивлением калмыцкого народа, но глубокими внутренними противоречиями и недостатками в самом механизме ее реализации.

Исследование В. В. Рубилина [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. 245 л.], основанное на архивных материалах Астраханской духовной консистории, ценно, прежде всего, своей структурой, которая выстроена по хронологическому принципу. Предложенная им периодизация истории распространения христианства среди калмыцкого народа (1724, 1737, 1762, 1796, 1871 гг.) обозначает ключевые вехи становления миссионерской политики, что позволяет проследить ее эволюцию от периодических, нерегулярных усилий до попыток создания централизованной системы. Важнейшим выводом, который следует из его анализа, является констатация постоянного кризиса этой политики на всех этапах. В частности В. В. Рубилин убедительно демонстрирует, что уже на втором этапе (1724–1737 гг.) крещение стало инструментом получения материальных

и правовых льгот, а не следствием внутренней религиозной трансформации калмыков [ГА РТ. Ф. 10 Оп. 2 Д. 1238. Л. 35об.]. Это указывает на формирование «прагматичного» неохристианства, изначально лишённого прочной духовной основы.

Далее, анализ мероприятий, связанных с основанием Ставрополя, служит ярким примером системной ошибки имперской администрации [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1238. Л. 115об.–116]. Как свидетельствует В. В. Рубилин, колоссальные финансовые и организационные вложения государства в обустройство крещёных калмыков на новых землях не принесли ожидаемого результата. Причиной тому, помимо сопротивления элит, стал фундаментальный цивилизационный разрыв: насаждение оседлости и земледелия вступало в непримиримое противоречие с кочевым укладом и культурной идентичностью калмыков. Более того, автор справедливо отмечает дисбаланс в распределении государственных субсидий, что лишь усиливало социальное расслоение и недовольство среди простых кочевников [ГА РТ. Ф. 10 Оп. 2 Д. 1238. Л. 115об.–116]. Следовательно, можно утверждать, что материальные стимулы, будучи главным рычагом миссии, не только не обеспечивали глубинной христианизации, но и порождали новые формы социальной напряжённости.

Работа миссионера Мефодия (Н. В. Львовского) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. 314 л.] предлагает иную, но взаимодополняющую перспективу — взгляд изнутри миссионерской практики. Его труд, несомненно, содержит элементы субъективной, апологетической оценки буддизма, что характерно для богословских дискуссий того времени. Однако его ценность заключается в детальном этнографическом описании религиозной жизни калмыков. Мефодий фиксирует не просто обряды, но целостную мировоззренческую систему, пронизывающую все аспекты быта — от устройства кибитки до календарных циклов. Его критика «хурульного образования» и утверждение о невежестве лам лам [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. Л. 105–106], хотя и тенденциозны, косвенно подтверждают тезис о смешанном характере народного буддизма, сочетавшего сложную философию с суеверными практиками.

Таким образом, провал политики христианизации был предопределён комплексом взаимосвязанных факторов: во-первых, инструментальным использованием веры как средства получения социальных благ, что порождало лишь внешнее, поверхностное принятие крещения; во-вторых, игнорированием цивилизационных основ калмыцкого общества — кочевого уклада и связанной с ним культурной идентичности; и, в-третьих, недооценкой прочности и адаптивности буддийской традиции, глубоко интегрированной в повседневную жизнь и поддерживаемой авторитетной социальной структурой.

Следует подчеркнуть, что совокупность представленных источников позволяет сделать обоснованный вывод о том, что неудачи христианизации калмыков были предопределены комплексом взаимосвязанных причин. К ним относятся: устойчивость и самодостаточность буддийской религиозной традиции; неразрывная связь веры с кочевым укладом жизни; сопротивление элит, видевших в христианстве угрозу своему статусу; и, наконец, методические

просчеты самой миссионерской политики, которая делала акцент на внешние, административные и формально-просветительские меры, не находя путей для подлинного диалога и учета культурной специфики калмыцкого народа. Ср.: К. В. Орлова отмечает, что «основные методы работы миссионеров среди калмыков не отличались разнообразием. Отсюда и некий формализм, стремление приукрасить в отчетах истинное состояние дел» [Орлова 2006: 168].

7. Заключение

Тематический анализ выявил три ключевых направления исторических исследований академистов: государственно-церковная политика христианизации, критическое осмысление миссионерских методик и этнографическое изучение калмыцкого общества. Принципиально важно, что работы демонстрируют эволюцию от описательного подхода к аналитическому — поздние сочинения содержат не только констатацию неудач миссии, но и системный анализ их причин.

Особого внимания заслуживает выявленная в ходе исследования источниковедческая парадоксальность этих работ: будучи продуктом административно-церковной, идеологической установки, они, тем не менее, содержат критический анализ проводившейся политики, что отражает сложность и противоречивость процессов осмысления миссионерской практики в академической среде.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

Литература

- Баянова, Сибгатуллина 2020 — Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р. «Материалы о калмыках из фонда 10 «КДА» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 90–104. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104
- Баянова 2024a — Баянова А. Т. Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 1 // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 579–590. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-579-590
- Баянова 2024b — Баянова А. Т. Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 2 // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 822–834. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-822-834
- Бердников 1892 — Бердников И. С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет её существования. 1842–1892. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 115 с.
- Гвоздев 1868 — Гвоздев И. П. Двадцатипятилетие Казанской духовной академии. Историческая записка // Православный собеседник 1868. Ч. 3. С. 200–344.
- Журавский 1999 — Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. 301 с.
- Знаменский 1891 — Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период её существования (1842–1870 годы). Вып. 1. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 380 с.

- Знаменский 1892 — *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период её существования (1842–1870 годы). Вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 593 с.
- Зотин 2024 — *Зотин А. А., диак.* Основные направления научно-исследовательской деятельности студентов кафедры церковного права в Казанской духовной академии // *Праксис*. 2024. № 3(16). С. 65–91.
- Колесова 2000 — *Колесова Е. В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX веков): дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2000. 206 с.
- Кукеев 2019 — *Кукеев А. Г.* Обзор курсовых работ Казанской духовной академии по буддизму // Сборник материалов региональной научно-практической конференции с международным участием «Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык-культура-образование-музей (теоретические и прикладные проблемы)» (г. Элиста, 24 апреля 2019 г.). Элиста: Калм. гос. ун-т, 2019. С. 77–80.
- Мельникова 2020 — *Мельникова С. В.* Рукописи диссертационных сочинений восточносибирского православного духовенства XIX – начала XX века в архиве Казанской духовной академии // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2020. № 2(5). С. 61–76.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М.: Вост лит., 2006. 207 с.
- Сухова 2013 — *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.) М.: ПСТГУ, 2013. 374 с.
- Терновский 1892 — *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после её преобразования. 1870–1892. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 652 с.
- Харлампович 1907 — *Харлампович К. В.* Казанская духовная академия (1842–1907). Исторический очерк // *Православная богословская энциклопедия*. Т. 8. СПб., 1907. С. 702–853.